

Услышав о ней, до глянца
Багровеет лицо иностранца...
Но когда истекут года,
Все негры уйдут туда...
Там не будет войны и ударов,
Отдохнет и больной и старый.
Хорошо будет неграм, наверно,
В далекой стране Коминтерна.

И слушал со всеми, дух затая,
Десятилетний мальчишка Туа.

I

Туа-негритенок на копи ходил,
Самым веселым в поселке он был.
Работал прилежно тяжелой киркой
И поздно к себе возвращался домой.
И с Джумбо—огромным, тяжелым слоном—
Делиться привык он всегда и во всем.
Ему он свой хлеб и маис отдавал,
О подвигах славных с ним вместе мечтал.
А в копиях сердитый надсмотрщик ходил,
Обыскивал негров, ругался и бил.

II

У баобаба слон стоял,
Тихонько цепью звякал;
У ног его Туа лежал,
Стонал и горько плакал.

Так целый день проплакал он,
Кряхтел сочувственно и слон.
Лишь ночью, глядя на луну,
Туа сказал в тоске слону:
„О, мой отец и друг, и свет!
Я не от боли плакал, нет,
Хоть сильно белым я избит;
От слов его душа болит.

Он говорил, что никогда
Свобода не придет сюда;
Он говорил, что Коминтерн
Скверней и хуже худших скверн;
Что отвратительный пример
Мечта Туа—С.С.С.Р.;

Что та желанная страна
Бедна, больна, разорена;
Что там от голода все мрут;
Что там один смертельный труд...
Так масса неграм говорил
И палкой изливал свой пыл.
О, слон! Я плачу в эту ночь
Над невозможностью помочь“...

В лесу рычали звери глухо,
И слушал слон, поднявши ухо.

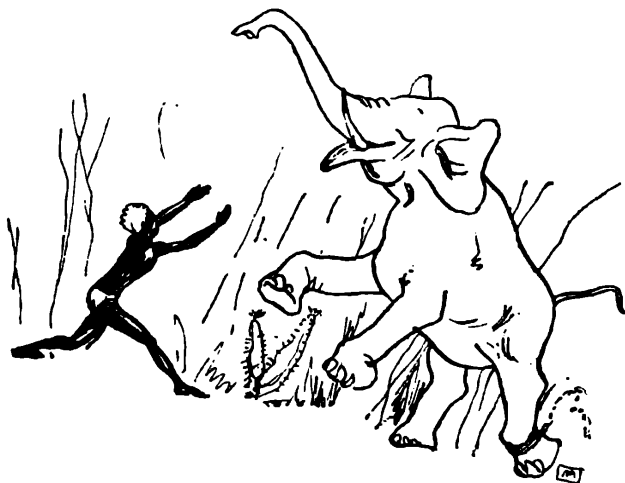
III

И снова Туа на копи ходил,
Но мрачен он был и печален он был.
Работал прилежно тяжелой киркой
И поздно к себе возвращался домой.
И снова, как прежде, надсмотрщик ходил,
Обыскивал негров, ругался и бил.

IV

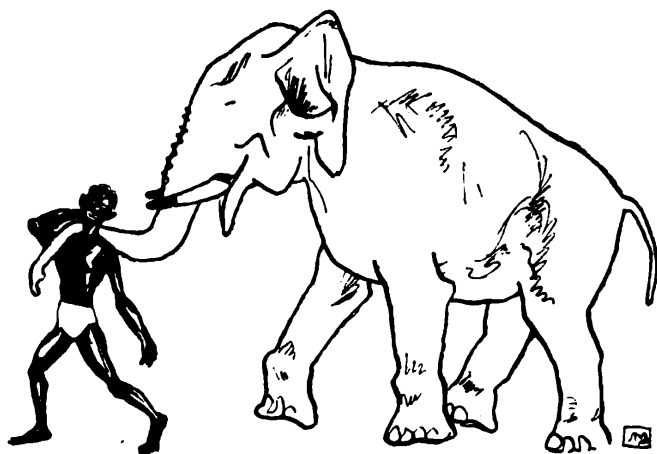
Но однажды, в луну шестую
После дождей,
Туа в чащу леса густую
Ушел из деревни своей.

Всю ночь его мать искала.
Белый сказал: „Запорю!“
В пустыне вопили шакалы,
Встречая зарю.
А слон без Туа волновался,
Глядел налево, на лес,
Рвался с цепи—и сорвался,
И в темном лесу исчез.

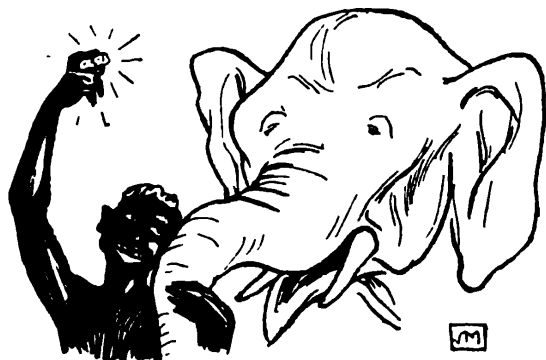
Бежал сквозь кустарник колючий,
Тяжко дыша...
Такой огромный, могучий
Искал своего малыша!
И вот под росой голубою
Найден был след шагов,
И звонкой трубил трубою
Слоновий радостный зов.

О, радость долгожданной встречи:
 В тени ветвей Туа замечен!
 Топтался слон, задравши хобот,
 И в счастье задыхались оба.
 Туа вскричал: „Отец! Теперь
 Меня не тронет дикий зверь:

С тобою днем шагаем в даль мы,
 А ночь—я на верхушке пальмы.
 Еще до следующей весны
 Мы в ССР прийти должны...
 Никто не должен в час вечерний
 Лечь спать голодным в Коминтерне..
 Им, Джумбо, мы с тобой вдвоем
 Привет и помощь принесем!“

Не торопясь, не беспокоясь,
Тыа развязывает пояс,
И, словно чей-то яркий глаз,
В его руке сверкнул алмаз...
„Он с голубиное яйцо!
Блестит, как лунное лицо!
Он—славный прадед всех алмазов,
Таких я не видал ни разу!

Ему цены нет у купцов.
Кирку я целовать готов:
Его во тьме она нашла,
Бесценный дар мне принесла.
Шепнула правая рука мне:
„Беги, беги с блестящим камнем!“
Отец мой, Джумбо! Я уверен—
Он пригодится в Эсэсэре.
Алмаз на рынке продадут,
Маис в селенья привезут...

И воины, насытятся пищей,
Придут и в наш поселок нищий.
И если клич на битву грянет,
Тѹа с киркою рядом встанет...“

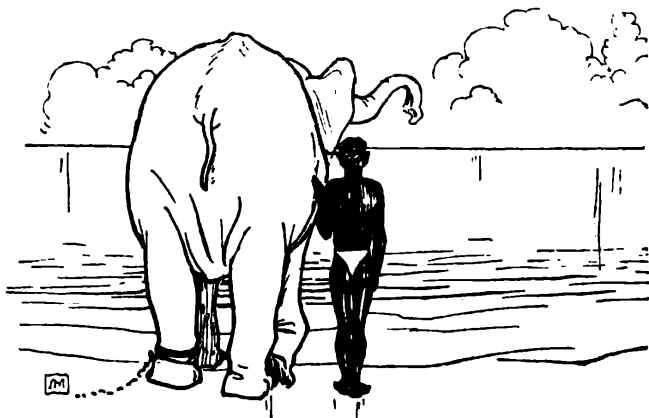
VI

Луна, сменяйся восемь раз,
Пока продлится наш рассказ.
В деревне не было известий,
Как путешествовали вместе
И знойным днем, и ночью темной
Малыш и серый слон огромный.
Доволен был дорогой слон:
Тростник и ветви кушал он,
Но голодающею крысой
Глядел Тѹа—устал и высох...
Шептал он ночью тихо „мама“,
Потом вставал—и в даль упрямо...

VII

Негритенок и тощ, и заморен,
А вдали открывается море.
Пляшет с волнами солнечный свет...
Ни плота, ни пироги нет.

Но малыш обращается к другу:
„Видишь, слон, за скалою лачугу?
Видишь ты, что хозяин—белый?
Подойдем и попросим смело—
Одинок он и беден сам—
Не поможет ли чем-нибудь нам?“

VIII

В этой печальной заброшенной хижине,
На море глядя и зло, и обиженно,
Жил старый плут. По прозвищу он
Всем был известен, как Скорпион.
(У деда его процветала торговля:
По деревням он устраивал ловлю
Негров, в Америку их продавал.
Внук его только об этом мечтал).

Так целый день проплакал он,
Кряхтел сочувственно и слон.
Лишь ночью, глядя на луну,
Туа сказал в тоске слону:
„О, мой отец и друг, и свет!
Я не от боли плакал, нет,
Хоть сильно белым я избит;
От слов его душа болит.

Он говорил, что никогда
Свобода не придет сюда;
Он говорил, что Коминтерн
Скверней и хуже худших скверн;
Что отвратительный пример
Мечта Туа—С.С.С.Р.;